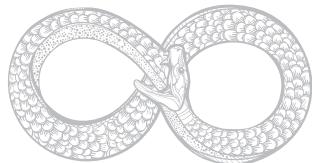

КАК Я ЛИШИЛСЯ ЧУВСТВ

Тогда я был человеком,
Я только поднялся на холм,
Я хотел убить время,
Но убил лишь то,
Что было мной и моим.
Когда ушли я и мое,
Исчезли желания и привычки,
Я здесь, пустой сосуд,
Порабощенный божественной волей
И бесконечным мастерством.

В городе Майсуре есть традиция. Если вам есть чем заняться, вы поднимаетесь на холм Чамунди. Если вам нечем заняться, вы поднимаетесь на холм Чамунди. Если вы влюбляетесь, вы поднимаетесь на холм Чамунди. Если вы разлюбили, вы *обязаны* подняться на холм Чамунди.

Однажды днем мне нечего было делать, и незадолго до этого я расстался с возлюбленной, поэтому я поднялся на холм Чамунди. Не доехав до вершины около трети пути, я соскочил с мотоцикла и сел на валун. Уже какое-то время он служил мне «камнем созерцания». В глубокую трещину на поверхности скалы пустили цепкие корни тонкий баньян и ягодное дерево с фиолетовыми цветами. Передо мной развернулся панорамный вид на город.

До того момента я знал, что «я» — это мое тело и разум, а внешний мир был «там», снаружи. А сейчас я внезапно почувствовал, что не знаю, чем я являюсь, а чем — нет. Мои глаза все еще были открыты. Но воздух, которым я дышал, камень, на котором я сидел, сама атмосфера вокруг — все стало мной. Я был всем существом. Я был в сознании, но потерял обычное сознание. Мои органы чувств не отделяли «меня» от «не меня». Чем больше я сейчас скажу, тем более странно это будет звучать, потому что невозможно описать обычными словами все, что тогда произошло. То, что было мной, находилось буквально повсюду. Все взрывалось и разлеталось поверх любых границ; все явления вспыхивали и превращались в другие явления. То было безразмерное единство абсолютного совершенства.

Моя жизнь — это лишь то прекрасное мгновение, и оно длится до сих пор.

Обычное сознание вернулось ко мне, казалось, всего спустя десять минут. Но, взглянув на часы, я обнаружил, что уже вечер! Прошло четыре с половиной часа. Я сидел с открытыми глазами, а солнце уже давно закатилось за горизонт. Я все осознавал, но то, что я раньше считал собой, полностью исчезло.

Я никогда не был плаксой. Но теперь, в возрасте двадцати пяти лет, я сидел на холме Чамунди и испытывал такое экстатическое безумие, что слезы лились рекой — вся моя рубашка намокла!

Мне всегда было легко оставаться спокойным и счастливым. Я всегда жил, как хотел. Я вырос в шестидесятые годы, в эпоху «Битлз» и синих джинсов, прочитал свою долю европейской философии и литературы: Достоевского, Камю, Кафку и тому подобное. Но здесь я ворвался в совершенно другое измерение, о котором ничего не знал, и меня переполняло совершенно новое чувство — буйное блаженство, какого я никогда не знал и даже не представлял, что оно возможно. Я решил воспользоваться своим скептическим рассудком — и единственным его предположением было, что я просто слетел с катушек! Тем не менее это состояние было настолько прекрасным, что я ни за что на свете не хотел бы его потерять.

Я никогда не мог описать, что произошло в тот день. Возможно, лучше всего сказать, что я поднялся и не спустился. С тех пор я так и не спустился.

Я родился в Майсуре. Этот величественный город на юге Индии, известный своими дворцами и садами, когда-то был столицей одноименного княжества. Мой отец был врачом, мать — домохозяйкой. Я был младшим из четырех братьев и сестер.

Школа казалась мне скучной. Сидеть на уроках подолгу я не мог, поскольку было очевидно, что те материи, которые преподавали нам учителя, для них самих ничего не значили.

Четырехлетним ребенком я ежедневно просил нашу экономку, которая сопровождала меня в школу по утрам, оставить меня у ворот и не отводить в здание. Как только она уходила, я бежал в соседний каньон, наполненный невероятным разнообразием жизни. Я начал собирать огромный личный зоопарк насекомых, головастиков и змей; держал их в бутылках из медицинского кабинета моего отца. Через несколько месяцев родители обнаружили, что я вообще не посещал школу. Их явно не впечатлили мои биологические исследования. Экспедиции в каньон были названы бессмысленным копанием в грязи и строго-настрого запрещены. То, что я считал невообразимо скучным взрослым миром, не в первый и не в последний раз расстроило мои планы. Тогда я просто переключил свое внимание на что-то другое.

В более поздние годы я предпочитал проводить дни в лесу, за ловлей змей или рыбы, бродить по горам и лазать по деревьям. Я часто взбирался на самую верхнюю ветку большого дерева, прихватив немного еды и бутылку с водой. Покачивание ветвей переносило меня в состояние, подобное трансу; я как будто спал, но одновременно сохранял осознанность. На том дереве я терял ощущение времени. Я сидел там с девяти утра до половины пятого вечера, когда раздавался звонок, возвещавший об окончании школьных занятий. Значительно позже я понял, что уже на том этапе жизни я фактически медитировал, сам того не зная. Позднее, когда я впервые стал учить людей медитировать, это всегда была медитация с покачиванием. Конечно, в те далекие годы я даже не слышал слова «медитация». Мне просто нравилось, как дерево качало меня и приводило в состояние за пределами сна и бодрствования.

Я считал школу скучной, но меня интересовало все остальное: устройство мира, ландшафт, жизнь людей. Катаясь на велосипеде по грязным дорогам в сельской местности, я проезжал не менее тридцати пяти километров в день. К вечеру я возвращался домой, покрытый слоями грязи и пыли. Мне особенно нравилось мысленно составлять карты тех мест, по которым я путешествовал. Оставаясь один, я закрывал глаза и рисовал в своем воображении все, что видел в тот день: каждый камень, каждую скалу, каждое дерево. Меня увлекали разные времена года: как меняется земля от первой вспашки до урожая. Вот что привлекло меня к работам Томаса Харди — его описания английского пейзажа на много страниц. Я мысленно делал то же самое с окружающим миром. Даже сегодня это похоже на видео в моей голове. Я и сейчас при желании могу воспроизвести все, что наблюдал все эти годы.

Я был сдержаным скептиком. Когда мне было пять лет и вся моя семья ходила в храм, я непрерывно задавал вопросы, много вопросов. Кто такой Бог? Где он? Там наверху? А что такое «верх»? Спустя пару лет число вопросов только увеличилось. В школе сказали, что планета круглая. Но если планета круглая, как можно узнать, где верх? Никто никогда не мог мне ответить, потому в храм я так и не вошел. Меня просто сажали за порогом, где верующие оставляли обувь, под надзором дежурного. Он брал мою руку и не выпускал ее, пока занимался своими делами. Он знал: стоит ему отвернуться — и я убегу! Миновали годы, и я стал замечать, что из ресторанов люди всегда выходят с более радостными лицами, чем из храмов. Это меня интриговало.

И все же, будучи скептиком, я не принимал и этот подход к жизни. У меня было много вопросов обо всем, но я никогда

не чувствовал необходимости делать какие-либо выводы. Я очень рано понял, что ничего не знаю. Это заставило меня с пристальным вниманием изучать все вокруг. Если кто-то давал мне стакан воды, я рассматривал его бесконечно. Если мне попадался лист, упавший с дерева, я разглядывал и его. Я всю ночь мог рассматривать темноту. Если я глядел на камешек, его изображение настолько сильно отпечатывалось в уме, что я знал каждую его сторону, каждую неровность.

Я также видел, что наш язык не более чем заговор, устроенный людьми. Когда кто-то говорил, я понимал, что люди всего лишь издают звуки, а смысл этим звукам придаю я. Тогда я перестал наделять звуки смыслом, и они зазвучали очень забавно. Я видел, как изо рта человека появляются узоры. Если я продолжал смотреть, человек просто распадался и превращался в сгусток энергии. И оставались одни узоры!

В этом состоянии абсолютно безграничного неведения почти все могло привлечь мое внимание. Мой дорогой отец, будучи врачом, предположил, что мне нужна консультация психиатра. Он сказал: «Этот мальчик все время смотрит на что-то, не мигая. Он сошел с ума!» Мне всегда казалось странным, что мир не осознаёт всей необъятности состояния «не знаю». Те, кто разрушает это состояние своими убеждениями и предположениями, совершенно упускают чудесную возможность узнать. Они забывают, что «не знаю» — это единственная дверь к поиску и знанию.

Мама велела мне внимательно слушать учителей. Я так и сделал. Я дарил им такое внимание, которого они не получили бы nowhere and never! В те нечастые дни, когда бывал в школе, я смотрел на учителей, не отводя глаз, хотя обычно не понимал

ничего из сказанного ими. По какой-то причине им это не нравилось. Один из учителей делал все возможное, чтобы добиться от меня объяснений. Но я молчал и молчал. Тогда он схватил меня за плечо и стал трясти. «Ты или божество, или демон!» — вскричал он. И добавил: «Думаю, что демон!»

Я не особенно оскорбился. До этого дня я воспринимал все вокруг — от песчинки до Вселенной — как удивительное чудо. Но в этой сложной сети вопросов всегда была одна определенность — «я». А вспышка ярости моего учителя натолкнула меня еще на одну линию размышлений. Кто я? Человек, божество, демон? Я пытался взглянуть на себя, чтобы узнать. Это не помогло. Тогда я зажмурился и попытался найти ответ. Минуты превращались в часы, и я все сидел с закрытыми глазами.

Когда я наконец поднял веки, все выглядело по-прежнему интересующее: муравей, лист, облака, цветы, темнота — буквально все. Однако к своему удивлению я обнаружил, что, пока мои глаза оставались закрытыми, что-то еще привлекало мое внимание: пульсация тела, функционирование разных органов; каналы, по которым движется внутренняя энергия; слаженная работа всего организма и тот факт, что границы тела совпадают с внешним миром. Это упражнение открыло мне всю механику человека. Оно постепенно привело меня к осознанию, что при желании я мог бы стать всем вместо того, чтобы определить себя как «то» или «это». Не то чтобы я пришел к каким-либо выводам. По мере появления более глубокого ощущения, что значит быть человеком, исчезала даже определенность относительно «я». Растворялось осознание себя как отдельной личности. Это упражнение будто растопило меня. Я чувствовал себя расплывчатым, бесформенным существом.

Несмотря на всю мою дикость, кое-что мне удавалось делать с непривычной дисциплинированностью — практиковать йогу. Это началось на летних каникулах, когда мне было двенадцать лет. Мы, целая банда двоюродных братьев и сестер, каждый год встречались в доме нашей дедушки. На заднем дворе был старый колодец глубиной более 45 метров. Девочки играли в прятки, а мальчики чаще всего по очереди прыгали в колодец, чтобы героически из него выбраться. И прыжок вниз, и подъем были нелегким испытанием: малейший промах — и ваши мозги размажутся по стене. Внутри колодца не было никаких ступенек; при подъеме приходилось цепляться за выступы в камне и подтягиваться. Ногти ломались и кровоточили. Лишь немногие мальчики отваживались на такое приключение. Я был одним из них, и мне это давалось легко.

Однажды рядом с нами появился человек лет семидесяти с чем-то. Некоторое время он смотрел на нас, а потом, не вымолив ни слова, тоже прыгнул в колодец. Мы перепугались и подумали, что с ним покончено. Однако он выбрался даже быстрее меня. Я отбросил гордость и задал ему всего один вопрос: «Как?» — «Пойдем, будешь учиться йоге», — ответил старик.

Я засеменил за ним, как щенок. Так я стал учеником Малладихалли Свами (под таким именем был известен этот старик) и стал практиковать йогу. Раньше будить меня по утрам приходилось моим родным, это был целый семейный проект. Меня пытались заставить сесть на постели, но я, как правило, снова падал на спину и засыпал. Мама давала мне зубную щетку, но иногда я засыпал и с зубной щеткой во рту. В отчаянии она вталкивала меня в ванную, но я быстро засыпал и там. Однако через три месяца после начала занятий йогой мое тело

стало само собой просыпаться в три сорок каждое утро, без каких-либо внешних воздействий; так это происходит и сегодня. После пробуждения моя практика начиналась сама собой, где бы я ни был. Без нее не проходило ни дня. Эта простая йога, называемая ангамардана (система физической йоги, которая укрепляет сухожилия и конечности), определенно выделяла меня среди других людей — и физически, и умственно. Но не более того, как мне казалось.

Со временем я потерял всякую веру в структурированное образование. Это был не цинизм. Мне хватало сил и энергии, чтобы участвовать во всем. Но моим преобладающим качеством даже в том возрасте была ясность. Я не пытался выискивать противоречия или логические провалы в том, чему меня учили; я их просто видел. Я никогда не стремился что-либо обрести в своей жизни. Я просто смотрю. И вот чему я сейчас стараюсь учить людей: если вы действительно хотите познать духовность, не ищите ничего. Люди думают, что духовность — это поиск Бога, Истины или Абсолюта. Проблема в том, что вы уже определили для себя, чего именно ищете. Важен не объект вашего поиска, а умение смотреть. То, чего недостает в современном мире, — это способность просто смотреть, без намерений. Каждый человек — психологическое существо, желающее приписать значение каждому явлению. «Поиск» не означает «поиск чего-то». Речь идет об усилении вашего восприятия, самой способности видеть.

После окончания средней школы я приступил к программе самостоятельного обучения в университетской библиотеке. По утрам я первым приходил в библиотеку к открытию, а по вечерам, перед закрытием, меня выставляли последним. Между завтраком

и ужином моей единственной пищей были книги. Хотя я всегда был голоден, я целый год пропускал обеды. Я читал много разных книг: от Гомера до «Популярной механики», от Кафки до Калидасы, от Данте до «Несносного Денниса». Этот год принес мне много знаний и эрудиции, но и намного больше вопросов.

Уступая слезным просьбам матери, я без особого желания поступил в Майсурский университет на факультет английской литературы. Но все равно я был окружен темной тучей из миллиарда вопросов. Ни библиотека, ни профессора не могли ее развеять. Большую часть времени я снова проводил вне студенческих аудиторий. Оказалось, что все обучение походило на бесконечный диктант, а я вовсе не собирался становиться стенографистом! Однажды я попросил преподавательницу дать мне свои заметки, чтобы я мог ксерокопировать их; это спасло бы ее от диктовки, а меня — от посещения. Постепенно такие же сделки я заключил со всеми лекторами, и они с радостью согласились, лишь бы не видеть меня на занятиях. Каждый день они отмечали в журнале мое присутствие, и в конце месяца я выглядел на бумаге прилежным студентом. Тогда я заглядывал в университет, только чтобы удостовериться, что преподаватели соблюдают условия сделки!

Наша небольшая студенческая группа начала встречаться под огромным баньяном на территории кампуса. Кто-то прозвал нас Banyan Tree Club (клуб «Баньян»), и название прижилось. У клуба был девиз: «Мы делаем это для удовольствия». Мы съезжались к дереву на мотоциклах и часами говорили обо всем на свете, от модернизации двигателей «Явы» до усовершенствования мира. И конечно, в это время мы не слезали со своих мотоциклов. Это было бы святотатством!

К тому времени, когда мы с друзьями окончили университет, я уже объехал всю страну. В детстве я на велосипеде исследовал Южную Индию. В юности я на мотоцикле исколесил весь субконтинент. Тогда пересекать национальные границы считалось обычным делом. Но на северной границе меня развернули, сказав, что документов на мотоцикл и водительских прав недостаточно для въезда в Непал; нужно больше бумаг. После этого моей мечтой стало заработать достаточно денег, чтобы путешествовать на мотоцикле по всему миру. Это была не просто страсть к путешествиям. Я не мог найти себе места. Я хотел что-то узнать. Но я не понимал, что именно, и не представлял себе, куда податься, чтобы это понять. Но в самой глубине своего существа я знал, что хочу большего.

Я никогда не считал себя особенно импульсивным; я просто любил жизнь. Я по-своему взвешивал последствия своих действий: чем опаснее, тем интереснее! Кто-то однажды сказал мне, что мой ангел-хранитель наверняка очень добрый и обожает работать сверхурочно! Мной постоянно двигало желание испытать себя на прочность. Вопросы что и зачем никогда меня не беспокоили. Единственным вопросом было как. Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что никогда не задумывался, кем мне быть в этой жизни. Я спрашивал себя только о том, как жить своей жизнью. И я знал, что «как» может быть определено только мной и внутри меня.

В то время был большой бум в птицеводстве. Я хотел заработать какие-то деньги, чтобы финансово обеспечить свое стремление к спонтанным и бесцельным путешествиям. Поэтому решил заняться птицеводством. Отец сетовал: «Что я скажу людям? Что мой сын выращивает цыплят?» Но я построил свою

птицефабрику, и построил ее в одиночку, с нуля. Бизнес стартовал. Начала появляться прибыль. Я посвящал бизнесу по четыре часа каждое утро. Остальную часть дня я проводил за чтением, стихосложением, плаванием, медитацией и мечтаниями на огромном баньяне.

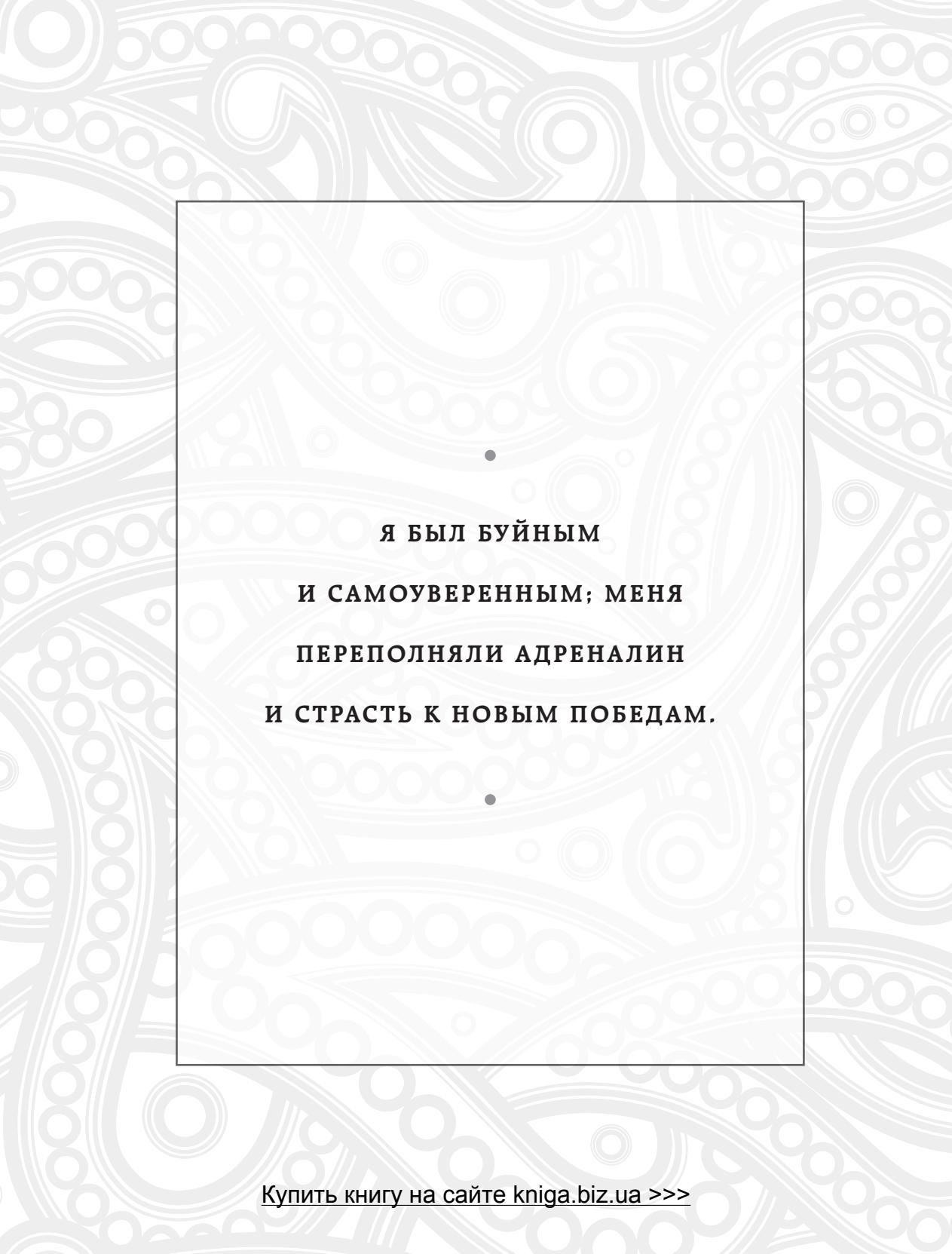
Успех придал мне храбрости. Отец постоянно жаловался и при водил в пример детей своих знакомых: кто-то стал инженером, кто-то — промышленником, кто-то поступил на государственную службу, кто-то уехал в Америку. И все, кого я встречал — друзья, родственники, старые школьные учителя и университетские преподаватели, — неустанно твердили: «О, мы думали, что ты разумно распорядишься своей жизнью, а ты просто разбазариваешь ее».

Я принял вызов. В партнерстве с другом-инженером я начал строительный бизнес. За несколько лет мы вырастили крупную строительную компанию, ставшую одним из ведущих частных подрядчиков в Майсуре. Отец не верил своим глазам, но, конечно, радовался.

Я был буйным и самоуверенным; меня переполняли адреналин и страсть к новым победам. Когда все, что вы делаете, приносит успех, вы начинаете верить, что планеты врашаются вокруг вас, а не вокруг Солнца!

Именно этот молодой человек в судьбоносный сентябрьский день 1982 года решил сесть на свой чешский мотоцикл и поехать на холм Чамунди.

Кто же мог знать, что после этого моя жизнь никогда не будет прежней?

**Я БЫЛ БУЙНЫМ
И САМОУВЕРЕННЫМ; МЕНЯ
ПЕРЕПОЛНЯЛИ АДРЕНАЛИН
И СТРАСТЬ К НОВЫМ ПОБЕДАМ.**